

С. В. ЯРОВ

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ 1918 г.

(ПО МАТЕРИАЛАМ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ОТЧЕТА ПЕРВОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ
1-го ГОРОДСКОГО РАЙОНА)

Идеи не утрачивают своего значения, даже если государственные институты, их воплощавшие, уже не являются политической реальностью. Учредительное Собрание, распущенное в январе 1918 г., еще долгое время оставалось в центре политических и идеологических дискуссий в стране. Приверженность Учредительному Собранию не только определяла идеологию и внутреннюю механику антиправительственных выступлений в разных частях России. «Учредительский» фактор влиял на динамику политических настроений и в «советизированной» части государства.

Историки уже достаточно детально изучили ход подготовки и созыва Учредительного Собрания.¹ Но большинство их заканчивали свои исследования январем 1918 г. Причины и масштабы распространности «учредительских» взглядов в более позднее время не стали предметом специального разбора. В наши дни уже трудно объяснить их с помощью еще недавно привычных идеологических клише. Даже беглый взгляд на эту проблему убеждает в ее сложности и неоднозначности. Изучить ее в определенной мере и помогают материалы Первой конференции рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района.

История конференции подробно изучена лишь в одной публикации — в очерке К. Шелавина.² Собственно освещение конференции здесь не являлось главной целью. Интерес к ней у К. Шелавина возник попутно, в связи с исследованием ряда аспектов борьбы большевиков с безработицей. В дискуссиях, возникших на конференции, его привлекает преимущественно обесуждение проблем

¹ Шапоки И. Октябрьская революция и Учредительное собрание. М., Л., 1988; Рубинштейн И. К истории Учредительного собрания. М., Л., 1931; Знаменский О. П. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976; Скрипнилев В. А. Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. М., 1982, и др.

² Шелавин К. И. Из истории Петербургского комитета большевиков в 1918 г. // Красная летпись. 1928. № 3 (27). С. 146—172.

занятости. Вместе с тем, стремясь к полноте изложения данного вопроса, автор касается истории возникновения широких рабочих конференций, упоминает об обстоятельствах, сопутствовавших их подготовке и проведению в ряде районов города.

Стенографический отчет о конференции был издан Советом рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района Петрограда в 1918 г.³ Книжку, насчитывающую 367 страниц, отпечатали в Шестой государственной типографии. Она увидела свет еще до реформы правописания. В основу публикации лег лишь слегка отредактированный, а местами и невыправленный текст стенографических записей выступлений. Во «Введении» подчеркивалось, что «редакция сидюшь да рядом приходилось восстанавливать необходимые материалы путем розыска газетных отчетов, изданий, уже не существующих, к [как I, например], „Новая жизнь“, „Кронштадтская зоря“, „Копейка“ и т. д., справок в профессиональных союзах о вынесенных резолюциях (часто самих авторов уже не было в Петрограде) и т. д.»⁴ Возможно также, что некоторые ораторы, говорившие в отсутствие стенографов, предоставили президиуму собственноручные записи своих речей.

Особенностью публикации стало большое количество попавших в текст опечаток. Правда, лишь две из них были учтены составителями и помещены в конце книги списке. Примечательно, что и в этот столь краткий их перечень также воцарилась опечатка. Местами текст просто неясен, хотя это и вряд ли можно считать в упрек стенографистам: здесь отразилась скорее своеобразие речей выступавших. Выход в свет весьма объемистой книги, столь скрупулезно описывавшей достаточно заунывное событие районного уровня, в условиях нехватки бумаги и типографий, удивил современников. «В свое время за это дело — издание толстой книжки, — вспоминал К. Шелавин, — поносили президиум исполкома района все, кому было не лень, — и в ПК, и в районах».⁵ Думается, однако, что выпуск книги вряд ли стоит объяснять только случайным стечением обстоятельств. Здесь, несомненно, сказались и характерная для 1918 г. децентрализация структур власти, и неустойчивость иерархии идеологических приоритетов.

Широкие беспартийные конференции проводились в городе с весны 1918 г. Идея их созыва первоначально была выдвинута оппозицией. Два обстоятельства могли сделать такие конференции привлекательными для масс: во-первых, их беспартийность, под которой понималось преодоление узкоклассовых и узкопартийных интересов, и, во-вторых, их широта, предполагавшая отказ от «цензового» подхода к правам избирателей. Иными словами, они могли в большей степени, нежели Советы, претендовать на полноту воплощения принципа народновластия. Создавался как бы аналог Учредительного Собрания на районном уровне — некая альтернатива политической монополии Советов.

³ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. (Стенографические отчеты 25 мая—5 июня). Изд., 1918.

⁴ Там же. С. V.

⁵ Шелавин К. И. Из истории... С. 164.

Созыв первой из таких конференций (в Рождественском районе) сначала взяли в свои руки меньшевики и эсеры, и лишь после некоторой борьбы правящей коалиции удалось обеспечить себе большинство среди ее делегатов. Но на возможность повторения конференций в других районах большевики смотрели с опаской. Принципиальных возражений, в общем-то, не было, но конференции, как это можно видеть из протоколов заседаний ЦК РКП(б) от 14 и 17 мая 1918 г., стремились проводить только «при благоприятно сложившейся ситуации» и не ранее «выяснения проволочного вопроса». Утопизм этих ожиданий стал очевиден весьма скоро. Конференцию в 1-м Городецком районе решили провести и, чтобы пресечь возможные маневры оппозиции, сразу же определили ее цели: «Найти наиболее правильное... решение сложных вопросов» и способствовать выявлению «истинного мнения» и настроений рабочих масс.⁶

По норме представительства 1 делегат выбирался от 100 человек. То же правило действовало и в тех случаях, когда предприятия и собрания безработных насчитывали менее 100, но не менее 50 человек. Помимо этого, 1 делегат избирался и от 500 членов профсоюзов. 5 мандатов получал районный Совет, 1 — кооперативы и по 2 было выделено партиям только социалистического толка: анархистам, максималистам, коммунистам, левым эсерам, интернационалистам (РСДРП) и ЦСР.⁷ Выборы проходили на предприятиях, в красноармейских частях, на собраниях безработных.

На конференцию был избран 201 делегат. Он представлял 32 предприятия, 10 профессиональных союзов, 12 красноармейских частей. На конференции присутствовало и 14 безработных. Среди делегатов было 134 большевика, 13 левых эсеров, 30 меньшевиков и интернационалистов, 24 эсера.⁸ Оценка партийной принадлежности, впрочем, была в известной мере условной. Так, К. Шелавин отмечал, что «цифра большевистской фракции включала в себя и сочувствующих большевикам, почему, например, и 14 представителей безработных, среди которых были беспартийные, попали в список большевистской фракции».⁹ Как бы то ни было, конференция по своему партийному составу заметно отличалась от 1-го Городецкого районного Совета, где оппозиции принадлежало только несколько мест.¹⁰

При анализе документов конференции привлекает внимание одна особенность. По многим вопросам спорили между собой, как правило, одни и те же лица. Большинство делегатов не принимало участия в дискуссиях, что сделало весь спор по преимуществу поединком между представителями губернского и районного руководства, с одной стороны, и местных отделений партий эсеров и меньшевиков — с другой. Это наложило заметный отпечаток на характер полемики. Элементы политической психологии «низов» ораторы, несомненно,

⁶ Там же. С. 162—163.

⁷ Первая конференция... С. VII.

⁸ Там же. С. VIII—XI.

⁹ Там же. С. XIV.

¹⁰ Шелавин К. И. Из истории... С. 165.

¹¹ Первая конференция... С. 361.

учитывали, но теоретически «оформляли» их с учетом уже сложившихся систем идеологических постулатов различных партий.

Данная статья не претендует на выяснение степени массовости «учредилонских» настроений в первой половине 1918 г. На материалах одного района это сделать трудно. Цель работы — изучить генезис и содержание аргументации, так или иначе касавшейся Учредительного Собрания. И здесь стенограмма конференции имеет уникальное значение, ибо она с максимальной полнотой отразила всю гамму различных, подчас полярных, взглядов на эту проблему. Не зная доводов разных сторон, трудно понять, почему к Учредительному Собранию было приковано внимание многих людей, почему оно оказалось в центре политического противостояния в период зарождения военно-коммунистических институтов.

Прежде чем перейти к анализу дискуссий на конференции, нужно сделать несколько предварительных замечаний.

Водораздел между сторонниками и противниками Учредительного Собрания проходил прежде всего по партийному признаку. Резко выступали против него большевики и левые эсеры. Горячо отстаивали его идею эсеры и меньшевики. Спор об Учредительном Собрании, разумеется, был лишь фрагментом межпартийных споров. Но он касался не только структуры государственной власти. Сквозь призму Учредительного Собрания на конференции рассматривался куда более широкий круг вопросов: о путях возрождения страны, о революции и контрреволюции, о хлебе и мире. Вместе с тем дискуссия об Учредительном Собрании среди делегатов — это дискуссия, в которой преобладали оттенки только социалистической мысли. Не было речи о том, чтобы рассматривать этот вопрос с позиций либерализма, монархизма или других враждебных социализму течений. Вот почему при изучении стенографического отчета конференции иногда возникает впечатление, что противостоящие партии имеют общие политические цели, но предлагают лишь неодинаковые подходы к их осуществлению. Защита демократии и революционных завоеваний, прекращение анархии и кризиса в стране, полнота народоправия — к достижению этих целей призывал почти каждый из оппонентов. Однако по мере развертывания дискуссии становится очевидным, что неодинаковыми у партий были не только средства, но и цели, которые поддавались весьма разнородной трактовке. Характерно в связи с этим обсуждение способов прекращения анархии в стране и упoreчения «революционной демократии».

Заметим, что именно в роспуске Учредительного Собрания оппозиция видела одну из причин катастрофической политической и экономической децентрализации государства. Один из делегатов, Филиппов, упоминая о прекращении поставок украинского хлеба, отмечал, что «если бы не было разгона Учредительного Собрания, Украина бы не откололась от нас».¹² Отказ признавать советскую власть он считал и основной причиной прекращения вывоза хлеба с Кавказа и Поволжья. Примечателен сделанный им общий вывод, представляющий как бы квинтэссенцию оппозиционных взглядов на тему «анархия и власть»: «Надо создать такую власть, которую бы

¹² Там же. С. 166.

слушали все, и... такую... может быть только та власть, которая будет избрана равным, тайным голосованием на демократических основаниях».¹³

Впрочем, причины анархии усматривали не только в политическом противостоянии. Значительную опасность, по мнению оппозиции, представлял и сепаратизм различных регионов, проявившийся в известной автономизации местных Советов. Это не было прямой связью с межпартийной борьбой, но рассматривалось оппозицией как результат все того же бессилия власти. А делегат Манделштам, например, откровенно считал советскую власть неспособной преодолеть анархию потому, что «она сама требует существования советского анархизма, который составляет ее алифу и омегу».¹⁴ Рецепт лечения и этой болезни он также усматривал «в создании государственной власти, которая признавалась бы населением, которую слушались бы ... все органы местного управления».¹⁵

Сходные мысли высказывались и делегатами Балабаевым, Накимсопом и Юнкеровым. В их выступлениях отчетливо выдвигались на первый план два тезиса: во-первых, власть, опирающаяся на ограниченную поддержку населения, неустойчива, а во-вторых, критическое положение страны таково, что одной партии исправить его не под силу.¹⁶

В высказанных мотивировках необходимости созыва Учредительного Собрания вряд ли стоит видеть только антибольшевистскую или антисоветскую направленность. Основная их тема — это указание на слабость власти, а иногда и полное безвластие, источник которых видели в узкой социальной базе правящей коалиции. Многие из прозвучавших здесь лозунгов — от «сплочения всего населения для защиты революции» и до пресловутой «четыреххвостки» — были традиционными в теоретическом арсенале социалистов. Насколько неприличным кажется отсутствие классовой дифференциации населения, аксиоматичной для социал-демократизма. Но это всего лишь издержки агитационной направленности речей. Делегат Н. Астров, например, говоря о «единстве русского народа», тут же уточнил формулировку: «единство крестьянина и пролетариата».¹⁷

Но в противоположность оппозиции, видевшей в Учредительном Собрании источник «сильной» власти, большевики отказывались в это верить, именно по причине широты «учредилковской» социальной базы. Они подчеркивали, что в Собрание неминуемо должны проникнуть и представители тех классов, которые не заинтересованы в преодолении кризиса в стране. И тут призывы оппозиции к некоему единству мало что меняли. Понятие единства, привычное для политического сознания значительной части «низов», воспринималось, конечно же, как единство «революционных сил», но никак не единство с кадетами, либералами и монархистами. Кроме того, часто применявшееся оппозицией понятие «сильной власти» уж очень ассоциировалось с образом «сильной руки», памятным массам еще по

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, С. 148.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, С. 36, 109, 179.

¹⁷ Там же, С. 260.

взглядам Корнилова и монархистов. При известных анархических настроениях низов это был далеко не лучший ход оппозиции. К тому же появился и повод обвинить ее в пренебрежении к демократии. «Я спрашиваю, — обращался к оппозиции левый эсер К. Греков, — что значит „крепкая власть“, которую будут признавать на месте, и достаточно ли будет декрета Учредительного Собрания, чтобы любой продоablyтвенный поезд по Российской республике мог бы пройти беспрепятственно... Когда говорят о твердой власти, это значит вот что: власть, которая на любую окраину может наложить длань... Такая власть теоретически ближе всего не к Учредительному Собранию по своему характеру, а к Скоропадскому, в конечном счете, может быть, даже к реставрации монархии».¹⁸

Тема классового противоборства, лишь слегка затронутая социалистами, стала ключевой в контраргументации большевиков и левых эсеров. Этим и объясняется пристальное внимание последних к составу Учредительного Собрания. Необходимо отметить, что значительная часть масс оценивала к тому времени Собрание уже исключительно как буржуазный государственный институт. Его созыв для многих делегатов конференции был равносильен реставрации старых порядков. Так, делегат Иванов обличал тех, кто пытался «протащить свое Учредительное Собрание, с помощью которого сумают протащить к власти буржуазию».¹⁹ Для другого делегата, К. Грекова, передача власти Собранию предвизвала «тот образ правления, при котором на равных правах, или, вернее, с перевесом в сторону капиталистов, будут привлечены к управлению страны все, в том числе и ценовые классы».²⁰

Оппозиция настойчиво утверждала, что подобные взгляды имеют в целом априорное происхождение. Она полагала, что говорить о «засилье буржуазии» относительно прошлого Учредительного Собрания невозможно, а относительно будущего — некорректно. Действительно, массовые представления об Учредительном Собрании во многом формировались не без влияния идеологических стереотипов. Кстати, понять механизм априорного конструирования «антиучредиловских» взглядов помогает, например, одно из выступлений уже упомянутого К. Грекова. «Наши товарищи, сидящие справа... — говорил он, — верят в то, что коль скоро удастся собрать Учредительное Собрание, то власть в этом Учредительном Собрании будет принадлежать правым (Голоса: Никогда этого не думали.) ... Следовательно, раз власть будет принадлежать не правому, не левому блоку, а кому-то третьему, то остается единственный значительный элемент, это буржуазия, так?».²¹ В приведенном выше фрагменте весьма показателен в первую очередь жестокий схематизм мышления. Очевидно, что к убеждению о «буржуазном засилье» в Собрании могли приводить не только посредством усвоения уже общепризнанных на сей счет аргументов. Им могли проникаться и оперируя блоками теоретических клише, разумеется, в зависимости от знаний и опыта.

¹⁸ Там же. С. 151.

¹⁹ Там же. С. 174.

²⁰ Там же. С. 105.

²¹ Там же. С. 150.

Попытки оппозиции опровергнуть это мнение путем обращения к фактам зачастую были несостоятельными, ибо они не учитывали механику одновариантного политического мышления. Но именно этот путь и был избран сторонниками Учредительного Собрания. «Вы об Учредительном Собрании ничего не знаете, кроме того, что в этом Собрании большинство принадлежало якобы буржуям, — говорил меньшевик С. Сегаль. — Вчера, когда я говорил с товарищем красноармейцем, то пришлось ему указать на то, что буржуев там была маленькая кучка, человек в 15, он об этом не знал».²²

Однако указание на прошлый состав Собрания в общем-то не было достаточно сильным аргументом. Речь шла все-таки о будущем. Это учитывала и оппозиция, и тот же С. Сегаль говорил в конце конференции: «Учредительное Собрание собирается на основании всеобщих, прямых, равных и тайных выборов... Только ничтожное количество населения России составляют эксплуататоры... Несмотря на это, вы утверждаете, что в этом Учредительном Собрании большинство будет принадлежать буржуазии (Голоса: Правильно). Тут, товарищи, одно из двух: или вы считаете, что силою денег буржуазия может купить политическую совесть русского народа и заставит ее дать ей голоса, тогда вы бросаете всему революционному русскому народу обвинение в том, что он может быть подкуплен».²³

Здесь С. Сегаль затронул тему, которой правящая коалиция предпочитала не касаться, — о возможных способах завоевания «правыми» Учредительного Собрания. Никакой более или менее развитой аргументации с ее стороны по этому вопросу создано не было, хотя бы и потому, что в этом не было особой нужды. Доминирующим в «антиучредительской» агитации был тезис о «буржуазном засилье» в Учредительном Собрании, разогнанном в январе 1918 г. Этого, судя по многим свидетельствам, было достаточно, чтобы отпугнуть значительные слои масс. Особая аргументация на тему о захвате «нищими» будущего Собрания была как бы неостребованной, ибо ее идеологическая задача, как видим, решалась другой системой контрдоводов. Этим и объясняется ее неразработанность. Вот почему разъяснениям оппозиции о «социалистическом» составе бывшего Учредительного Собрания один из ораторов, красноармеец, мог противопоставить лишь опасение, что и 17 «буржуев» сумеют установить контроль над ними. Аргумент не был особенно веским, на что и обратил внимание С. Сегаль: «Если вы считаете, что 17 никуда не годных буржуев заставят вас идти, куда вы не хотите, то этим вы уже признаете их моральное превосходство».²⁴ Еще более едкой критике он подверг и утверждение о том, что «Учредительное Собрание является какой-то формой, пригодной лишь для буржуазного государства и совершенно непригодной для социалистического». «Если Учредительное Собрание есть предрассудок буржуазии, то как же вы, совершая социалистическую революцию, требовали скорейшего созыва Учредительного Собрания», — говорил он.²⁵

²² Там же. С. 217.

²³ Там же. С. 282.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Необходимо сказать, что метаморфозы своей позиции по отношению к Учредительному Собранию правящая коалиция к этому времени уже не раз имела возможность объяснить. Согласно ее утверждениям, Советы выполнили работу Учредительного Собрания намного эффективнее и потому необходимость в последнем отпала. Но в речах большинства делегатов конференции какая-либо двойственность в оценке Учредительного Собрания отсутствовала. Они, казалось, были мало знакомы с перипетиями «учредительской идеи». Во всяком случае они никак не дифференцировали ее дооктябрьский и послеоктябрьский этапы и воспринимали Собрание только негативно. В этом, конечно, сказались и жесточенность межпартийных схваток, придавшая речам выступавших заметно «митинговый» характер, без фиксации нюансов в обсуждаемых вопросах. Думается, здесь и просто неосведомленность людей, лишь недавно приобретенных к политике. Но как бы то ни было, замечание о былой поддержке большевиками отверженной ими «учредительки» звучало непривычно для многих делегатов, чем и не преминула воспользоваться оппозиция.

Нужно подчеркнуть, что, споря с тезисом о «буржуазном засилье» в Учредительном Собрании, социалисты предпочитали обходить вопрос о том, какие партии и классы следует отнести к «врагам народа» и лишить избирательных прав, — вопрос, усиленно обсуждавшийся в то время большевиками и их союзниками. Относясь к либералам и несоциалистам точно так же, как и коммунисты, они в отличие от последних предпочитали иные формы отстранения несоциалистических партий от власти, не всегда крайние. Это предопределило характер их аргументации по вопросу о будущем составе Собрания. Незнакомый в стенограмме делегат с Патронного завода говорил, например, что «если в Учредительном Собрании будут все партии, то что смогут сделать буржуи».²⁶ Отсутствие опасений по поводу пребывания «буржуазии» в Собрании было свойственно и другим оппозиционным ораторам.

Нельзя, правда, не заметить, что на конференции отдельные элементы аргументации сторонников Учредительного Собрания все же претерпели изменения. Сделали это, возможно, с целью привлечь часть беспартийных, в большинстве своем разделявших коммунистические оценки Собрания. Некоторые из доводов оппозиции возникли как прямой ответ на большевистские идеологические постулаты. Этим объяснимо, пожалуй, появление такого аргумента делегата Филиппова: «Вы... говорите, что за нами большинство, а за нами меньшинство. Так что же тогда вам бояться... вы опять будете у власти».²⁷ А в предложении установить контроль Советов над Собранием просматривалось и стремление к компромиссному варианту решения проблемы, при котором учитывалась позиция противоположной стороны. Впрочем, оно сразу же вызвало резкие возражения одного из тогдашних профсоюзных лидеров Л. Аменицкого: «Вот мы должны создать какую-то власть, чтобы потом ее свергать и с нею бороться. Такая власть не гадится никуда».²⁸ Сама мысль о возможности параллельного существования Учредительного Собрания и Со-

²⁶ Там же. С. 155.

²⁷ Там же. С. 166.

²⁸ Там же. С. 265.

ветов отвергалась А. Аменицким и по другой причине. «Перед Советами стоит колоссальная задача проведения в жизнь определенных социалистических административных положений, — отмечал он. — Следовательно, нужны такие твердые аппараты, которые не имели бы над собой Дамоклова меча какой-то политической организации, которая бы с ним боролась. Необходима вся полнота власти такой, которая сама своими могучими руками могла бы дать определенное направление жизни... Власть Советов должна отличаться одним свойством — полнотой».²⁹ Любое двоевластие А. Аменицкий оценивал исключительно как тормоз для деятельности Советов. При этом, разумеется, он обыгрывал и лозунги сплоченности, твердости и единства, звучавшие едва ли не на каждом митинге и потому хорошо знакомые многим. Для части масс мысль о необходимости какой-либо дуальности государственного устройства страны была явно чуждой, равно как и сама теория о разделении властей, ежедневно опровергаемая военно-коммунистической практикой. А. Аменицкий по существу пересказал распространенное в коммунистических кругах мнение о том, что решение острейших проблем в определяющей мере зависит от выбора типа общественно-политической системы.

Доказательство приоритета Советов над Учредительным Соборанием занимало важное место в аргументации большевиков, направленной против «учредительских» настроений. Примечательно, что оппозиция, отстаивая Учредительное Собрание, вместе с тем не определяла четко своего отношения к Советам. Принципиальность неприятия Советов не было. Как правило, отмечали недостаточность этого института для решения стоящих перед страной задач. «В состоянии ли в данное время власть ... организовать настолько промышленность, чтобы наладить товарообмен? — спрашивал делегат Рассказов. — Нет, не в состоянии, ведь вопрос в том, что нужно это сделать в объеме государственного масштаба. Но целые части государства оторваны... Советами, нам их не соединить».³⁰ В тех же случаях, когда Советы рассматривались не просто как государственный орган, но как средство господства какой-либо партии, оценки становились более резкими. «Мы — защитники Советов, но противники комиссародержавия», — отмечал уже упомянутый Рассказов.³¹ В массовом сознании послереволюционной эпохи Советы воспринимались как институт власти, который выражал волю широчайших слоев населения. Вот почему только такой аргумент — о подмене в Советах власти народа властью партий — и мог быть эффективным орудием в борьбе против «советской» идеи. Во всяком случае именно этим аргументом оппозиция наиболее часто опровергала представление о Советах как об инструменте народовластия.

Даст или не даст хлеба Учредительное Собрание — эта тема стала одной из ключевых в дискуссии на конференции. Утопические ожидания немедленного решения социально-экономических проблем после революции были присущи многим. Экономический хаос, последовавший за обещаниями накормить голодных, породил среди различных слоев населения разочарование и скептицизм. Этими на-

²⁹ Там же. С. 265—266.

³⁰ Там же. С. 181.

³¹ Там же.

строениями и воспользовались противники Учредительного Собрания. Они усиленно приписывали оппозиции утверждения о способности Учредительного Собрания немедленно дать хлеб, нереальность чего в тех условиях была очевидной. Вот характерный обмен репликами, прозвучавший на конференции между двумя постоянными оппонентами, делегатами С. Сегалем и Широковым: «Они говорят, что только Учредительное Собрание даст хлеб. С е г а л ь: этого мы не говорили. Ш и р о к о в: Здесь не говорите, а на собраниях говорите».³²

Оппозиция была едина в том, чтобы рассматривать созыв Учредительного Собрания лишь как предпосылку хозяйственного подъема страны. Показательно, что речи ее представителей, касавшиеся этого вопроса, совпадали даже в деталях. «Мы не говорим, что если вы сегодня собираете Учредительное Собрание, завтра у вас будет хлеб, — подчеркивал делегат Нахимсон. — Вы должны сказать, что нужно взять все силы из народа, а это возможно ... только если вместе со мной воскликнете: „Да здравствует Учредительное Собрание“».³³ Эта речь почти неотличима от более позднего выступления Исакова: «Мы не говорим, что Учредительное Собрание немедленно накормит народ, но оно сумеет всех нас сплотить для того, чтобы мы вместе дружно добивались постепенного улучшения нашего положения».³⁴ В том же ключе, хотя значительно пространнее и с большим полемическим накалом, выступал и делегат Н. Астров: «...меня спросят, даст ли Учредительное Собрание 2 фунта хлеба ... я скажу, что в России хлеба нет...Если меня спросят, даст ли оно социализм, как его дали большевики, то и его вам Учредительное Собрание не даст... Оно даст единство всего русского народа... которое даст возможность наладить транспорт, пустить в ход фабрики и заводы».³⁵

Уязвимым местом данных выступлений была все же абстрактность, расплывчатость предлагаемых для выхода из кризиса мер. Связь между изменением структуры государственной власти и возможным экономическим «чудом» массовым сознанием улавливалась слабо. Вот почему, полемизируя со сторонниками Учредительного Собрания, ряд делегатов пытался переключить внимание делегатов конференции на «технократические» приемы борьбы с кризисом. Они подчеркивали, что страну спасет не та или иная форма общественного устройства, а комплекс административно-хозяйственных мер. Один из делегатов, представлявший профсоюз торгово-промышленных служащих,³⁶ отмечал, например, что «никакая партия не спасет Россию». «Что же мы должны конкретно предложить?» — подчеркивал он. — Мы должны в первую очередь выяснить, сколько на каких заводах может и должно быть рабочих, а остальные безработных в ближайшее же время распределить на местах в хлебобородных губерниях».³⁷

³² Там же. С. 118.

³³ Там же. С. 110.

³⁴ Там же. С. 160.

³⁵ Там же. С. 260.

³⁶ В стенограмме не назван. Союз торгово-промышленных служащих на конференции представляли делегаты Медведев, И. Пеккинен, Н. Чесноков.

³⁷ Там же. С. 116.

Вообще же в «практических» предложениях на конференции недостатка не было. Правда, тезис о недопустимости политических споров решения остром проблем еще не занял прочного места в идеологическом арсенале правящей партии. Но тенденция «деполитизировать» формы ликвидации экономического развала государства уже наметилась, и определялась она не только тактикой большевиков. Она, несомненно, проистекала и от усталости людей из-за бесконечных дебатов о кризисе. Общественное сознание более позитивно воспринимало некое «материальное», конкретное, в чем-то единственное и даже «чудодейственное» средство выхода из кризиса, чем политическую разногласию, в которой в большинстве своем масса разбиралась плохо.

Последнее, кстати, весьма ощутимо сказалось и на содержании дискуссии. Приведем характерный для полемики фрагмент выступления на конференции 4 июня 1918 г. делегата Широкова: «Вы укрываетесь сейчас, вы стоите на том, что Учредительное Собрание спасет страну и вдохушевит армию. Кто же войдет в это Учредительное Собрание, кто в нем будет? Говорят, народ. Но вы отказались от званья народа. Когда вам указывают, что там будет кучка буржуев, то вы говорили, что в Учредительном Собрании было 17 буржуев, а остальное все народ. Если это так, то почему вы первый созыв Учредительного Собрания считаете аннулированным? (Голос | справа: Где вы об этом читали?). Если создается Учредительное Собрание, то большинство придет капиталистов, но они ничего не принесут, кроме разлада... Говорят: соберем кучку буржуазии и будем отстаивать интересы. Но дайте нам кусочек хлеба. (Голос | справа: А крестьяне вам хлеба не дают? Шум). Они указывают, что с них скинули маски. Я на этом кончу, меня сбивают, так невозможно говорить. Я должен на это указать».¹² Конечно, на содержание выступления Широкова повлияла довольно нервная обстановка на заседаниях. Но все же анализ его речи позволяет точно идентифицировать в ней фрагменты различных систем аргументации представителей правящей коалиции. Здесь без труда можно распознать уже знакомые фразы («социалисты предали народ», «они скинули маски», «они только говорят, а хлеба не дают», «в Учредительном Собрании будет руководить буржуазия»). Правда, авторство некоторых из них он приписал самой же оппозиции, но в этом вряд ли стоит видеть только умысел. Для многих делегатов одновариантное мышление стало настолько привычным, а исповедуемые взгляды настолько аксиоматичными, что они не делали различия между тем, что говорили об оппозиции, и тем, что говорила она сама. И речь Широкова не была здесь исключением. Уже упомянутый К. Греков, например, также вполне серьезно полагал, что идея о засилье правых в будущем Учредительном Собрании принадлежит именно оппозиции.

Кстати, уровень политической культуры масс явно сказался и на применявшейся во время дискуссии терминологии. Особенно популярным было слово «погромный». Им оценивались многие оппозиционные выступления, как печатные, так и устные. Частота

¹² Там же. С. 284.

его упоминания на конференции определялась не только накалом полемики, сделавшим обычным отсутствие каких-либо полутонов. Этот термин, ставший достоянием значительной части низов в «послефевральскую» эпоху, был для них неким символом негативного, и в него вкладывали подчас содержание, не соответствующее самому понятию. Сколь мало заботились о точности терминов, доказывает хотя бы инцидент во время доклада Г. Зиновьева. В одном месте он был прерван криком: «Да здравствует Учредительное Собрание!». Далее в стенограмме читаем: «Председатель: Призываю к порядку... Голос с места: Фамилию его надо узнать. Разбойник. Саботажник».³⁹ К оппозиционерам был применен и термин «черный буржуа»,⁴⁰ механизм происхождения которого хотя и был понятным, но смысл оставался все же неясным.

Выступление Широкова показало, что спор к концу конференции, несмотря на многочисленные разъяснения позиций различных сторон, продолжал касаться одних и тех же тем. Нельзя, конечно, не заметить, что аргументы оппонентов при их «соприкосновении» в определенной степени корректировались. Но основные «блоки» идей не подверглись трансформации. Ораторы практически не слышали друг друга. Дискуссия, как это можно видеть из стенограммы, никого не переубедила и уж точно не оказала сколько-нибудь значительного влияния на результаты голосования по основным резолюциям, принятым конференцией. Иного результата, впрочем, вряд ли следовало ожидать. Это было не собрание людей, жаждущих определить свою позицию, уловить в речах ораторов то, что волновало и озадачивало. Это был съезд делегатов, четко осознававших, к какой партии они принадлежали и в соответствии с этим выстраивавших линию своего политического поведения. Данная конференция была, пожалуй, рядным эпизодом процесса эволюции государственных институтов, и ее значение не стоит преувеличивать. Но в этой ее типичности и есть особая ценность для историка. На материалах конференции поэтому можно проследить обычные, наиболее распространенные механизмы формирования массового сознания в период создания новых государственных структур и складывания основ военного коммунизма.

³⁹ Там же. С. 10.

⁴⁰ Там же. С. 116.